

Выслушав гневную отповедь отца, Хан Сиэнь мгновенно сбросил маску наигранной скорби и самобичевания. На его бледном лице застыло выражение холодного сомнения.

Свою роль он отыграл безупречно, высказав всё, что требовалось. Теперь наступал черёд Хана Чжо — пришла его очередь извиняться и спасти уязвлённую честь клана Хань.

Герцог не заставил себя ждать. Смягчив тон, он шагнул к сыну и ласково, точно любящий отец, произнёс:

— Твоя тётушка проделала столь долгий путь, разве могла она не думать о тебе? Она приготовила для своего племянника богатые дары, желая устроить приятный сюрприз. Но поскольку ты лежал без чувств и жизнь твоя висела на волоске, она в тревоге за твоё здоровье попросила матушку отнести эти подарки в Буддийский молельный зал. Там над ними читали сутры, дабы освятить их благодатью Будды ради твоего скорейшего исцеления. Ты глубоко несправедлив к своей тётушке, Сиэнь.

Почувяв, куда дует ветер, Хан Сю тут же прижала к лицу расшитый платок и горестно зашмыгала носом:

— Ох, разве могла я, родная тётка, позабыть о племяннике? Твои слова ранили меня прямо в сердце...

Хан Сиэню смертельно надоело слушать это фальшивое благочестие, да и визгливые всхлипы тётки изрядно резали слух. Не дав ей договорить, он изобразил на лице крайнее изумление, мгновенно сменившееся глубоким раскаянием:

— Ах, значит, я кругом виноват! Простите глупого племянника, тётушка, неверно я всё понял. И как же нехорошо получилось с кузиной! Я ведь принял её за какую-то невоспитанную девку, ворвавшуюся в мои покои. Какая непростительная ошибка! Мне непременно нужно пойти и извиниться перед ней. Она гостит в нашем доме, а я, как хозяин, проявил такое пренебрежение и заставил её страдать.

От этой трескотни слёзы Хан Сю мигом высохли. Она уставилась на юношу, который вещал с самым благообразным и искренним видом, хотя наглым образом продолжал намекать, что у её дочери напрочь отсутствуют манеры. Тётке безумно хотелось вцепиться в это бесстыжее, острое на язык лицо и разодрать его в кровь. Но присутствие постороннего сдерживало её порывы. Хан Сю лишь сильнее сжала кулаки, так что ногти больно вонзились в ладони. Отрезвляющая вспышка боли помогла ей сохранить остатки самообладания.

Хан Чжо нахмурился, выражая притворное недовольство:

— Как бы то ни было, негоже не узнавать близкую родню, да ещё и руки распускать. Хорошо, что мы все свои люди, одна семья. Твоя тётушка великодушна и не станет таить обиду на неразумного племянника. Но девичье сердце ранимо, а ты и сам ещё слишком слаб, так что не

стоит обременять кухню визитами и понапрасну сеять смуту.

Тон отца казался строгим, однако в его словах сквозила нарочитая, почти приторная семейная близость. Уловив истинные мысли Хана Чжо, Сиэнь мысленно усмехнулся.

Герцог затеял эту комедию перед лекарем Чжоу неспроста. Называя всех «одной семьёй» столь вкрадчивым голосом, он пытался натолкнуть придворного медика на мысль, будто две ветви рода втихомолку договариваются о браке между молодыми людьми.

И главными действующими лицами в этой партии должны были стать сам Сиэнь и Хэ Юйчжу.

Разумеется, Сиэнь ни за какие блага мира не взял бы в жёны эту визгливую фурию. Да и Хан Сю костями бы легла, но не отдала бы дочь за полуживого калеку, а уж сама Юйчжу скорее бы удавилась, чем пошла за него. Но сейчас, когда слова были произнесены, репутация девицы оказалась спасена. Лекарь Чжоу, будучи человеком благородным и далёким от пустых сплетен, не станет совать нос в чужие дела и уж точно не побежит докладывать императору о безобразной семейной склоке.

Герцог, разумеется, и не подозревал, что его тайные помыслы выставлены напоказ. Сохраняя на лице маску любящего, заботливого родителя, он повернулся к сыну:

— Ну же, пусть лекарь Чжоу осмотрит тебя как следует.

От этого фальшивого спектакля Сиэня передёрнуло. С трудом подавив подступившую к горлу тошноту, он лишь безучастно кивнул и, сославшись на необходимость сменить запыхавшееся платье, удалился в свои покои. Поняв, что больше ловить здесь нечего, оскорблённая Хан Сю тоже поспешила откланяться и увела своих слуг.

Вскоре Сиэнь вернулся, переодевшись в свободный халат цвета глубокой лазури.

Пока лекарь Чжоу сосредоточенно прощупывал его пульс, юноша откровенно скучал. Опустив взгляд, он заметил валявшуюся у порога плетё. На губах его промелькнула едва заметная, горькая усмешка.

"В прошлой жизни, когда мне было совершенно наплевать, выживу я или нет, я бы не стал разыгрывать комедию. Стоило тётке заикнуться о претензиях, я без долгих раздумий полоснул бы её плетью по лицу и указал на ворота"

Тогда плевать ему было на репутацию и пересуды — любые споры он привык решать силой. Но сейчас, когда в нём укрепилось желание во что бы то ни стало выжить в этом змеином гнезде, от столь топорных методов следовало отказаться. По крайней мере, на время. Для них ещё

наступит свой час.

Лекарь Чжоу держал пальцы на запястье юноши, и в душе его крепло удовлетворение. Изначально организм молодого человека был истощён до предела, однако за дни тщательного ухода его жизненные силы понемногу возвращались — пульс бился слабее обычного, но уже куда ровнее и увереннее.

Лекарь отнял руку и уже собирался ответить на нетерпеливые расспросы герцога, как вдруг уловил тонкий, едва различимый аромат женьшеня, исходивший от дыхания Сиэня. Сердце лекаря тревожно ёкнуло. Нахмурившись, он пытливо взглянул на юношу:

— Ты принимал женьшень?

На губах Сиэня заиграла кроткая, радостная улыбка, но не успел он проронить и слова, как вмешался встревоженный отец:

— Лекарь Чжоу, вы ведь сами говорили, что дарованный императором фиолетовый женьшень слишком силен для его слабого тела. Но моя супруга прослышала... то есть я сам, разумеется, я приобрёл для него корень тысячелетнего женьшеня, дабы укрепить его силы. Разве в этом есть что-то дурное?

Эта заминка герцога на слове «супруга» была разыграна как по нотам. Сиэнь лишь насмешливо сощурился, глядя, как отец изящно и без единого мускула на лице перекладывает вину на мачеху.

От этих слов у лекаря Чжоу едва глаза на лоб не полезли. Он едва не подпрыгнул на месте и в сердцах воскликнул:

— Да как же можно?! При его-то истощении давать женьшень! Если уж царский фиолетовый корень ему противопоказан, то обычный и подавно погубит его! Ваша Светлость, я понимаю вашу родительскую заботу, но снадобья — не игрушка, а уж сильные укрепляющие средства — тем более! Как же можно пренебрегать столь очевидными вещами?

Выслушав суровую отповедь, Хан Чжо не выказал ни капли гнева. На его лице отразилось крайнее изумление, сменившееся глубоким отчаянием. Он долго стоял молча, точно громом поражённый, а затем с искренней скорбью в голосе произнёс:

— О Будда, моя слепая спешка едва не погубила мальчика... Лекарь Чжоу, умоляю, скажите, можно ли ещё всё исправить?

Лекарь Чжоу тяжело вздохнул и, покачав головой, угрюмо произнёс:

— Я выпишу новое снадобье. И забудьте о женьшене раз и навсегда. Никаких сильных

снадобий.

О реальном улучшении состояния юноши лекарь умалчивал, пока герцог продолжал сокрушаться, разыгрывая раскаявшегося благодетеля.

Закончив писать рецепт, лекарь Чжоу погладил бороду и строго посмотрел на Сиэня, словно сердился на него за безрассудство:

— Наследник, вам следует бережнее относиться к собственной жизни. Помните: то, что попадает в ваш рот, может стать как спасительным лекарством, так и смертельным ядом.

С этими словами лекарь Чжоу собрал свои инструменты и направился к выходу. Герцог поспешил проводить гостя. Стоило им покинуть пределы двора Душистых Орхидей, как Хан Чжо взволнованно спросил:

— Уважаемый лекарь, каково же истинное положение дел? Сколько ему осталось?

Лекарь окинул его долгим, печальным взглядом и тихо произнёс:

— Как я и говорил ранее, даже при самом лучшем уходе Наследник вряд ли перешагнёт порог своего двадцатилетия. Теперь же нам остаётся лишь поддерживать его угасающие силы день за днём.

Герцог тут же горячо заверил, что достанет любые редчайшие снадобья, лишь бы спасти сына, и умолял приложить все усилия для его исцеления. Лекарь сухо пообещал сделать всё, что в его силах, на что Хан Чжо ответил глубоким, полным признательности поклоном.

Однако стоило лекарю Чжоу сесть в свой паланкин и покинуть поместье герцога, как его лицо мгновенно посуровело.

Положение молодого Наследника в родных стенах оказалось куда более шатким и опасным, чем представлялось поначалу. Впрочем, этот юноша явно не был глуп. Лекарь по опыту знал: Сиэнь вовсе не глотал женьшень, иначе его пульс не был бы столь ровным и спокойным. Мальчишка просто подержал корень во рту незадолго до визита врача, чтобы оставить характерный запах. Он намеренно разыграл эту карту, желая открыть доктору глаза на козни мачехи.

Лекарь Чжоу нахмурился. Смелый шаг. Но не слишком ли безрассудный? Неужели этот юнец ни капли не боялся, что лекарь выдаст его маленькую хитрость герцогу?

Вспомнив разыгранную перед ним приторную сцену сыновней почтительности и отцовской нежности, а также ловко оборванную фразу о «супруге», лекарь Чжоу почувствовал, как у него начинает раскалываться голова.

В столице каждый первый был убеждён, что герцог Хань души не чает в сыне покойной первой жены. Как-никак, он выхлопотал для него титул Наследника, когда мальчику исполнилось всего три года, и не отступился от своего решения даже зная, что ребёнок обречён умереть молодым. За эту верность и отцовскую любовь его не раз превозносил сам государь.

Будучи личным врачом императора, Чжоу не должен был совать нос в чужие семейные тайны. Однако при первой же встрече с Сиэнем, взглянув в его холодные, пронизательные глаза, лекарь невольно вспомнил покойного императорского благородного супруга Ван Ина — гэера, чья звезда некогда столь ярко сияла в глубинах дворца.

В народе говорят, что племянники всегда идут породой в материнскую родню, и в данном случае это было чистой правдой. Окружающим лицо Сиэня казалось уродливым, обтянутым сухой кожей черепом, но опытный медик зрел глубже внешних покровов. Ему достаточно было взглянуть на строение костей, чтобы понять: черты лица юноши один в один повторяли благородный облик Ван Ина. Особенно этот взгляд — ледяной, отрешённый и гордый.

Сам лекарь Чжоу по природе своей избегал любых дразг. Однако в молодости, ослеплённый собственным талантом, он бывал излишне дерзок. Едва поступив на службу в Императорскую медицинскую палату, он пал жертвой придворных интриг и оказался замешан в деле о выкидыше одной из фавориток. Разгневанная вдовствующая императрица уже велела забить его палками до смерти, когда благородный супруг Ван Ин, сжалившись над несчастным и почуяв неладное, замолвил за него словечко перед государем. Дело пересмотрели, невиновность Чжоу была доказана, и с тех пор он сделался личным врачом Ван Ина.

Позже, во время одного из осмотров, Ван Ин обратил на него свой холодный, величественный взор и негромко произнёс:

— Лекарь Чжоу, вы человек чести и выдающегося ума, ныне такие — редкость. Если в будущем судьба сведёт вас с кем-то из моих сородичей, попавшим в беду, умоляю, не откажите им в помощи.

С этими словами Ван Ин вручил ему два тяжёлых ларца.

Разумеется, лекарь пытался вежливо отказаться от столь щедрого дара, но Ван Ин настоял на своём. Вернувшись домой и открыв сундучки, Чжоу обомлел: они были доверху набиты долговыми обязательствами и кредитными билетами на астрономическую сумму.

Уже тогда в воздухе над Запретным городом витало душное, предгрозовое напряжение. Лекарь не знал истинных причин, но интуиция подсказывала ему готовиться к худшему. А через несколько дней дворец потрясла весть: императорский благородный супруг Ван Ин скоропостижно скончался от неведомого, стремительного недуга.

После этого Чжоу слёг в тяжелейшей лихорадке. Возвращаясь на службу, он дрожал от страха, ожидая неминуемой плахи или ссылки, но, вопреки ожиданиям, его возвысили, сделав личным врачом самого императора.

Смерть Ван Ина словно сломала что-то в правителе. Его нрав сделался необузданным, вспыльчивым и непредсказуемым. Из дворца безжалостно вытравили любую память о покойном гзере: его резиденцию опечатали, а личных слуг, евнухов и служанок увели в неизвестном направлении — больше их никто не видел. Малолетнего Третьего принца, Цзи Ло, отдали на воспитание безродной наложнице самого низкого ранга, а венценосный отец с тех пор ни разу не соизволил взглянуть на собственного сына.

Лекарь Чжоу понимал, какая страшная и несправедливая драма разыгралась за закрытыми дверями, но благоразумно держал язык за зубами и никогда ни о чём не расспрашивал. Лишь изредка, видя, как тяжело приходится брошенному на произвол судьбы Третьему принцу, он тайне помогал мальчику едой и тёплыми вещами.

Минули годы. Теперь сыновья императора выросли, окрепли и обзавелись собственными покровителями при дворе. И лишь Третий принц оставался один — обделённый отцовской любовью, лишённый влияния и связей.

Размышляя об этом, лекарь Чжоу мысленно вздохнул: «Будь что будет». Намеренно скрыв от герцога истинное состояние здоровья Сиэня, он уже встал на опасный путь. Так не всё ли равно теперь? Сиэнь хоть и носит фамилию Хань, но рождён женщиной из клана Ван, а внешнее сходство с покойным Ван Ином было слишком поразительным, чтобы пройти мимо. Он поможет этому юноше.

Вернувшись во дворец, Чжоу узнал от слуг, что его давно разыскивает евнух Юань Бао: государь занемог и требовал немедленно доставить лекаря в Императорский кабинет. На ходу сменив дорожное платье на чистый халат, медик поспешил во внутренние покои.

У дверей кабинета его встретил Юань Бао, взволнованно меривший шагами коридор. Завидев лекаря, евнух бросился к нему навстречу и зашептал:

— Ох, господин Чжоу, наконец-то вы здесь! Его Величество изволил гневаться, крушит всё подряд. Ступайте скорее, он ждёт!

Суну в широкий рукав евнуха серебряную монету в знак благодарности, лекарь осторожно постучал в тяжёлую дверь и, услышав глухой царственный голос, скользнул внутрь.

Император полулежал на низком ложе, подперев голову одной рукой, а другой лениво выстукивал медленный ритм по шёлковому покрывалу. Взгляд его из-под полуприкрытых век не выдавал ни гнева, ни признаков болезни. Услышав шаги, правитель приоткрыл глаза и с

тонкой, едва уловимой усмешкой спросил:

— Навещали дом Хань?

Лекарь немедленно опустился на колени, моля о прощении за то, что задержался ради осмотра больного Наследника. Повелительный жест царской руки заставил его подняться.

— Немногие устаиваются твоего личного участия, — небрежно обронил император. — Ну и как поживает молодой отпрыск герцога?

Слегка помедлив, лекарь Чжоу ответил:

— Наследник послушно принимает снадобья. За последние дни он немного окреп, щёки округлились, и в чертах его лица проступило удивительное сходство с...

Договорить он не смог. Горло точно сдавило невидимыми тисками, воздух застрял в груди, и лекарь осёкся на полуслове.

Лицо императора мгновенно потемнело. Он вперил в придворного медика тяжёлый, пронзительный взор и тихо, почти шёпотом спросил:

— На кого же?

Чжоу рухнул ниц, прижавшись лбом к холодному полу и не смея поднять глаз.

— Пощадите, Ваше Величество! Вашему ничтожному слуге лишь показалось, что лицом Наследник Хань безмерно походит... на одного вашего покойного... близкого человека.

Стоило словам сорваться с губ лекаря, как в него полетела фарфоровая чашка с горячим чаем. Она скользнула по шее, ударилась о пол и с сухим треском разлетелась на мелкие осколки.

За дверью Юань Бао испуганно вздрогнул, но не посмел войти без приказа, обречённо ожидая развязки.

Тёмная влага медленно струилась по спине и груди лекаря, капая на паркет, но он продолжал лежать неподвижно, затаив дыхание.

В тишине кабинета долго раздавалось лишь тяжёлое, прерывистое дыхание владыки Поднебесной. Вдруг правитель разразился громким, безумным смехом. Отхохотавшись, он резко оборвал веселье. В его голосе зазвучали опасные, полные ядовитого любопытства ноты:

— Юань Бао! Объяви мою волю: пусть завтра Третий и Пятый принцы вместе отправятся в поместье герцога Хань, дабы навестить больного Наследника и выразить мою заботу.

<http://bllate.org/book/20088/2001975>